

«О чем, прозаик, ты хлопчешь?»

Э. Г. Бабаев,
доктор филологических наук

Поэты пушкинской поры не похожи друг на друга. У каждого из них своя судьба, своя поэтика, свой поэтический язык. Они были не похожи и на А. С. Пушкина, несмотря на то, что каждый из них испытал на себе его сильное и плодотворное влияние.

Менее всех других был похож на Пушкина его ближайший сподвижник по «Литературной газете» и «Северным цветам» князь Петр Андреевич Вяземский (1792–1878). Он был старше Пушкина на семь лет и знал его еще лицеистом.

Разница в возрасте, однако, не мешала Вяземскому видеть в Пушкине и последующие годы «смелого вождя» «поэтической дружины». Но это не значит, что Пушкин во всем и всегда был согласен с «поэтами племды». Он «беседовал с музами». Для него это было именно «служенье» музам, которое «не терпит суеты».

Что касается Вяземского, то его лирика построена на иных поэтических основах. У него другой словарь, другая интонация. И ему приходилось «беседовать с музами», но как-то второпях, «на перекладных», в дороге.

Если Пушкин был по преимуществу поэт, то Вяземского можно назвать по преимуществу «журналистом». Кажется, что он целый век катил в своей «коляске» через различные «станции», заполняя свою «записную книжку» путевыми очерками, картинками и размышлениями.

Он всегда был готов покинуть «беседку муз» и «кабинет писателя» ради удовольствия видеть «вольный свет»:

Чернильница, бумага, перья –
Всё это смотрит ремеслом;
Сидишь за письменным столом
Живым подобьем подмастерья
За цеховым его станком.
Я не терплю ни в чем обузы.
И многие мои стихи –
Как быть? – дорожные грехи
Праздношатающейся музы.

В стихах Вяземского есть какая-то особенная замашка, какая-то на рочитай небрежность и оригинальность. Рядом с пушкинской лирикой она поражала воображение читателя даже своим несовершенством, чувство выдвигалась какая-то тайна и новизна.

«Вольности» Вяземского часто казались странными Пушкину. Он слышал в его стихах диссонансы и воспринимал это как сознательное или бессознательное нарушение гармонии. В 1821 году Пушкин прочитал только что напечатанное в «Сыне отечества» послание Вяземского к Жуковскому, где его внимание остановили строки:

Хочу ль сказать, к кому был Феб из русских ласков, -
Державин рвется в стих, а втащится Херасков.

Рифма сама по себе была замечательно хороша: *ласков* и *Херасков*. Но двуступище (как, впрочем, и все стихотворение в целом) представлялось Пушкину прозаичным по своему «звуку». Звук в поэтике Пушкина — великое дело.

Между тем, Вяземский, вдаваясь в «разговорную интонацию», как бы уравнивал представление о музыкальном, гармоническом значении стиха. В своем кишиневском дневнике Пушкин отметил появление «антипоэтических» начал в стихах Вяземского:

«Читал сегодня, — пишет Пушкин, — послание князя Вяземского к Жуковскому. Смелость, сила, ум и резкость; но что за звуки! *Кому был Феб из русских ласков*. Неожиданная рифма *Херасков* не примиряет меня с такой какофонией» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. М., 1936. Т. V С. 486)

Но Вяземский не соглашался с Пушкиным. И со своей стороны доказывал, что «если есть... поэзия звуков и красок, то может быть и поэзия мысли» (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 1. С. 123). К тому же Вяземский, в отличие от Пушкина, не слишком и заботился о «благозвучии». «Воля Пушкина, — пишет далее Вяземский, — за благозвучность стихов своих не стою, но и ныне не слышу *какофонии* в поминутых стихах» (Там же).

То, что Пушкин называл «какофонией», было ранними опытами освоения разговорной речи современной поэзией, формой вторжения прозы в стихи. И Пушкину случалось обмолвиться «невольным прозаизмом», но в таких случаях он считал своим долгом извиниться перед «благосклонным читателем», как это было в стихотворении «Осень»:

Я снова жизни полн — таков мой организм
(Извольте мне простить ненужный прозаизм).

Но оговорки такого рода, сами по себе прелестные и необходимые, даже в поэзии Пушкина, со временем становились «старомодными». Вяземский по отношению к Пушкину иногда занимал позицию настоящего «модерниста». Он не считал нужным извиняться за свои «прозаизмы», а они

преследовали его, цеплялись чуть ли не за каждую рифму. «Несется легкая коляска. И с ней легко несется ум...». «Почтовые пегасы» везут Вяземского по косягорам «воздушной степи»:

То на почлеге размышленья
С собой рассчитываюсь я:
В расходной книжке бытия
Я убыль с прибылью сличаю.
Итог со страхом поверяю
И контролирую себя.

Эти строки из стихотворения «Коляска» (1826) не только по своему смыслу, но и по своей лексике (*расходная книжка, убыль и прибыль, контролирую себя*) были смелым проявлением нового лиризма. Ничего подобного не было и не могло быть ни у Пушкина, ни у Дельвига, ни у Баратынского. Они были «жителями Парнаса» и «язык богов» был их родным языком. А Вяземскому всегда хотелось

Свернуть из баснословной дали
На почву прозы и земли!

Ради исполнения поэтической цели он готов был признать «несовершенство» своего стиха:

Язык мой не всегда бывает непорочным,
Вкус верным, чистым слог, а выраженья точным (<...>)

Он не только не избегал «прозаизмов», но как будто расчищал для них место.

Пушкину нравились стихотворные афоризмы Вяземского, в них чувствовалась столь характерные для него «смелость, сила, ум и резкость». Он охотно «приискивал» среди избранных строк Вяземского эпиграфы для своих сочинений. Так, Вяземский мог гордиться тем, что и «Евгений Онегин» украшен строкой из его элегии «Первый снег»: «И жить торопится и чувствовать спешит!...»

Афоризмы Вяземского являли собой образец лаконичности. Но в своих стихах он часто бывал многословным, даже утомительным, но сам этого не замечал. Больше того, увлеченный собственным красноречием, Вяземский вдавался в «игру ума», вызывая недоумение и досаду Пушкина, который полагал, что настоящая поэзия ближе к «безмолвной мудрости», чем к «многословной элоквенции».

В стихотворении Вяземского «К мнимой счастливце» содержалась примечательная строфа:

Есть, к счастью, выдержка в долине зол и плача,
Но в свет заброшенный небесный сей залог
Не положительный известных благ итог,
Не алгеброй ума решенная задача.

Именно это стихотворение вызвало известное замечание Пушкина в его письме к Вяземскому: «Твои стихи... слишком умны. А поэзия, проста господи, должна быть глуповата» (Переписка А. С. Пушкина. М., 1982. Т. 1. С. 243). Вяземский, со своей стороны, готов был признать правоту Пушкина: «В стихах моих, — говорил он, — я нередко умствую и умничаю» (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. С. 123). Но он не хотел «исправлять» ни своего стиля, ни образа поэтического мышления. Пушкин был тысячу раз прав, говоря о том, что поэзия не должна быть «слишком умна», иначе она превратится, чего доброго, в прозу. «Но прав и я», утверждал Вяземский, который чувствовал, что здесь речь идет не только о его стихах, но о чем-то большем.

Вяземский полагал, что, сближаясь с прозой, стихи все-таки останутся стихами, а поэзия от этого многое выиграет. Тут был залог какой-то новизны, неизвестной еще никому. «О чем, прозаик, ты хлопочешь?» — с недоумением спрашивал Пушкин в эниграмме «Прозаик и поэт». Вяземский же сразу понял, что именно его Пушкин называл «прозаиком» среди поэтов.

Но осуждение Пушкиным его поэтических опытов нисколько не смущало Вяземского. Он считал, что «эпиграммы — не доказательства» (Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 62). Перед ним был огромный мир явлений, которому не было ни имени, ни места в поэзии. Читая олимпийцев, можно было подумать, что на земле растут одни только «лавры и кипарисы». А береза, например, между ними даже не упоминалась.

Средь избранных деревьев — береза
 Не поэтически глядит;
 Но в ней — душе родная проза
 Живым наречьем говорит, —

замечает по этому поводу Вяземский в стихотворении под незатейливым названием «Береза».

В своих критических статьях Вяземский говорил о «газетной поэзии» и доказывал, что такое новое направление вовсе не является «антипоэтическим». «И почему поэту не быть наравне с оратором стражем народных выгод и блага общественного?» (Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. С. 57).

После Пушкина проникновение прозы в поэзию усилилось. Это была одна из закономерностей развития поэтической речи 30–40-х годов. Белинский в свое время был поражен «небрежностью и прозанностью» звучания самых сокровенных произведений лирики Лермонтова, таких, например, как «Завещание»: «Наедине с тобою, брат, хотелось мне побыть...» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1954. Т. IV. С. 533).

Лермонтов по-своему понял и оценил «хлопоты» Вяземского. Он знал, что такое «простая» исповедальная речь. Владел он и современным светским разговорным языком. Очень характерен в этом отношении программный «разговор» в стихотворении «Журналист, читатель и писатель»:

И я скажу – пужна отвага,
 Чтобы открыть... хоть ваш журнал
 (Он мне уж руки обломал):
 Во-первых, серая бумага,
 Она, быть может, и чиста,
 Да как-то страшно без перчаток...
 Читаешь – сотни опечаток!

Эпиграмматическая фраза о «перчатках» («Да как-то страшно без перчаток...») представляет собой цитату из «Письма» Вяземского к А. И. Готовцевой, как это отмечено Э. Г. Герштейн в ее книге «Судьба Лермонтова» (М., 1986. С. 115). Но Лермонтов придал русской стихотворной реплике нечто неслыханную еще поэтическую гармонию, которая была недоступна Вяземскому. Поэтому и отношение Вяземского к Лермонтову оказалось сложным. Ему не хватало в Лермонтове «невозмутимой ясности». Но он знал ему цену и отмечал его близость к Пушкину «в высоком художественном чувстве» (Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. С. 314).

На перепутье между Пушкинным и Лермонтовым, как некий вожатый, Вяземский на свой страх и риск искал дорогу в будущее русской поэтической речи. Можно сказать, что он, сам того не сознавая, хлопотал о Лермонтове. Поэтому и все его удачные и неудачные опыты в жанрах современной лирики были его косвенным или прямым ответом на пушкинский вопрос: «О чем, прозаик, ты хлопочешь?»

«Каждый должен делать свое дело и играть свое лицо, – говорил Вяземский. – Когда я в цвету, тогда и моя весна» (Там же. С. 377). П. А. Вяземский был современником двух великих поэтов. И сумел сохранить «чувство собственного пути» – верный признак настоящего таланта и при звания.